

УДК 316.77:004
ББК 65.9
Ш 95

Шубин А.В.

Ш95 Мифы и реальность советской истории. 1917 –1939 гг. / А.В. Шубин. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015 – 432 с. – (Идеальное общество)

ISBN 978-5-906798-63-3

Книга А.В. Шубина посвящена острейшим вопросам истории советской страны, вызывающим бурные споры и по сей день. Известный ученый, четверть века профессионально изучающий советскую историю, противопоставляет мифам, фабрикуемым сторонниками разных идеологий, результаты научного анализа ключевых сюжетов отечественной истории XX века.

Был ли Ленин немецким шпионом и кто финансировал революционное движение? Какова роль различных сил в гражданской войне? Зачем большевики «отдали» Новороссию Украине? Был ли искусственно уничтожен НЭП? Каковы причины и масштабы голода 1932–1933 гг.? «Сдал» ли Сталин Испанию? Был ли Советский Союз «поджигателем войны» в 30-е годы? Какое общество образовалось в СССР за время правления Сталина? К чему в действительности стремился вождь и его противники в партии? Был ли «термидор» и что под ним понимать?

Все эти вопросы рассматриваются в книге с опорой на новейшую литературу и документальные источники. В некоторых очерках автор, доктор исторических наук, разоблачая мифотворцев и опровергая искусственные сенсации, отстаивает традиционную точку зрения. А в некоторых случаях исследования приводят его к новым, непривычным выводам.

УДК 316.77:004
ББК 65.9

ISBN 978-5-906798-63-3

© Шубин А.В., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

ВСТУПЛЕНИЕ

Война за людское сознание в наше время играет более важную роль, чем война за города и территории. И если мы хотим быть свободными и независимыми, руководствоваться своими интересами, а не внешними сигналами, управляющими нашим сознанием, то первый шаг к свободе — поиск истины, в том числе — реальной картины событий недавнего прошлого, их механизма и смысла.

История — это сфера, в которой закладываются наиболее глубокие стереотипы мышления, сопоставимые разве что с языковыми. Естественно, что манипулирование информацией не может обойтись без строительства исторических мифов. Миф — способ упрощенного мышления. Он опирается на одну часть реальности, игнорируя другую. Вырванные из реальности факты увязаны так, чтобы получилась простая схема, пригодная для управления сознанием человека в его сегодняшней жизни. Ему предлагаются образы героев для подражания и уважения, а злодеев — для негодования. Герои и злодеи должны быть похожи на сегодняшних персонажей, их действия должны быть сопоставимы с нынешней ситуацией. Собственная логика исторической ситуации только мешает мифотворцам. Но они вынуждены как-то считаться с ней. Ведь человек только тогда подчиняется мифу, если считает его правдой. Ведь помочь вам может только реальный исторический опыт, а миф помогает манипулировать вашим сознанием.

Историки озабочены поисками истины, складывают детали единой объемной картины прошлого, ведут сложные споры, опираясь на источники и четкие логические правила. Но публицистов и политиков эта работа мало интересует. Их не интересует истина. Их оружие — мифы. Они уже сделали нужные им обобщения, нужные для политической игры. В истории советского общества нет полутонов. Только одноцветный миф, пригодный для промывания мозгов.

Миф отталкивает критику, как жир отталкивает воду. Наука радуется критике, уточнению картины, модели событий. Миф прост, доходчив, но в нем нет реальной жизни. Жизнь сложна, противоречива, интересна. Картина событий советской истории всегда неоднозначна. И этим она отличается от мифов, которыми переполнены СМИ, безумные ток-шоу для любителей умственной свалки и псевдопознавательные передачи для доверчивых обывателей. Мы поговорим о другом. О том, что зарождает сомнение в простых схемах. Автор этих очерков может быть не прав. Он не претендует на роль оракула идеологических истин. Он предлагает начать путешествие в историческую реальность.

Очерк первый

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН НЕМЕЦКИМ ШПИОНОМ?

Включая один из центральных телеканалов. Доверчивым зрителям добавляют очередные штрихи к тому образу Ленина, который в современной России стал общеупотребительным среди медийных лоботрясов. Ленин — беспринципный, истеричный властолюбец, напоминающий Гитлера. С началом Мировой войны Германия обрела в лице Ленина союзника и даже слугу. Ленин стремился разжечь гражданскую войну в России на радость немецкому кайзеру. За это он получал щедрое финансирование. С началом революции 1917 г. Германия переправляет своего шпиона в Россию через Берлин, где Ленина инструктируют, как делать революцию (уж конечно немецкие военные разбираются в этом лучше Ленина). Получив миллиард марок, Ленин приобрел огромное влияние. Без этих денег он оказался бы маловлиятельным политиком. С помощью немецких офицеров Ленин совершил переворот с целью подписать капитуляцию перед Германией и разорить ненавидимую Россию. «Долг платежом красен» — Ленин без необходимости подписывает позорный Брестский мир.

Как всегда, невероятные идеологические мифы опираются на несколько реальных фактов. Что мы знаем доподлинно?

Ленин выступал против поддержки своего правительства в империалистической войне и выдвинул лозунг «превращения мировой войны в гражданскую». При этом он настаивал, что такую же политику должны проводить социал-демократы всех воюющих стран, включая Германию и клеймил немецких коллег за то, что они оказали поддержку кайзеру в войне. Ленин стремился к свержению всех европейских режимов, а не только Российского самодержавия.

Позиция Ленина в той или иной степени получила поддержку левых социалистов на международных конференциях в Циммервальде и Кинтале. Устраивать гражданскую войну союзники Ленина не хотели, но в главном были согласны: никакой поддержки своему правительству, свержение самодержавия и борьба за всеобщий мир без аннексий и контрибуций. К числу «циммервальдий-

цев» принадлежали не только большевики, но и многие эсеры во главе с их лидером В. Черновым и один из основных оппонентов Ленина в социал-демократическом движении Ю. Мартов. Мартова, во всяком случае, никому не пришло в голову обвинять в получении немецких денег.

С началом Февральской революции Ленин, как и другие революционеры, собрался на родину. Но правительства союзных России Франции, Италии и Великобритании отказали Ленину и другим левым социал-демократам в визе. Так что выбор был не велик — либо сидеть в Швейцарии до тех пор, пока Антанта не соизволит разрешить возвращение на родину, либо принять предложение немецких социал-демократов организовать переезд из нейтральной Швейцарии в нейтральную Швецию через Германию. То, что немецкие власти согласились на проезд эмигрантов, говорит о том, что в Берлине считали это полезным, но не вяжется с версией о шпионаже Ленина. Все-таки контакты шпионов с резидентами принято прятать, а здесь они выставляются наружу. Более того, стороны потратили много времени на согласование деталей переезда, чтобы репутация Ленина пострадала как можно меньше. Ведь сам факт проезда через Германию эмигранты не собирались скрывать. Если бы Ленин был шпионом, немцы обеспечили бы полную секретность и срочность его переброски в Россию.

Сразу по прибытии Ленина его противники попытались использовать против него «пломбированный вагон». Матросы второго балтийского экипажа, встречавшие Ленина на Финляндском вокзале, на следующий день приняли возмущенную резолюцию. Мол, если бы знали, что Ленин проехал через Германию, отправили бы его назад. В Гельсингфорсе возмущенные матросы даже искупали в море большевистских агитаторов. Эти эпизоды любят приводить нынешние изобличители Ленина¹. Но здесь они стыдливо забывают, что уже через несколько месяцев матросы станут одной из опор большевиков. Решив, что сторонники Ленина «говорят дело», матросы уже не обращали внимания, каким образом он попал в Россию. И в этом отношении они были правы. К тому же не только Ленин, но и многие видные эсеры и меньшевики (от Суханова до Чернова) выступали за скорейший мир без аннексий и контрибуций и против наступательных военных действий. А они не ездили через Германию.

Характерно, что Ю. Мартов, долго колебавшийся по поводу переезда и обставявший его разнообразными условиями, вернулся в Россию лишь 9 мая, когда события зашли далеко, и влияние Мартова в партии меньшевиков было подорвано. Ленин считал, что надо

ковать железо пока горячо, даже если где-то можно запачкать подошвы о немецкую территорию (впрочем, чисто фигурально — вагон считался экстерриториальным, так что эмигранты формально не ступали на германскую землю).

Ленин выступал против поддержки своего правительства в империалистической войне и выдвинул лозунг «превращения мировой войны в гражданскую». При этом он настаивал, что такую же политику должны проводить социал-демократы всех воюющих стран, включая Германию, и клеймил немецких коллег за то, что они оказали поддержку кайзеру в войне. Ленин стремился к свержению всех европейских режимов, а не только российского самодержавия.

Позиция Ленина в той или иной степени получила поддержку левых социалистов на международных конференциях в Циммервальде и Кинтале. Устраивать гражданскую войну большинство политических союзников Ленина не хотели, но в главном они были согласны: никакой поддержки своему правительству, свержение самодержавия и борьба за всеобщий мир без аннексий и контрибуций. К числу «циммервальдийцев» принадлежали не только большевики, но и многие эсеры во главе с их лидером В. Черновым, а также такие оппоненты Ленина в социал-демократическом движении, как Ю. Мартов. Мартова, во всяком случае, никому не пришло в голову обвинять в получении немецких денег.

Однако, если очистить вопрос о финансировании большевиков от пропагандистской шелухи, он остается важной и интересной научной проблемой.

Как немцы задолжали Ленину деньги

В капиталистическом обществе серьезная политическая деятельность требует финансирования. С этим у большевиков всегда были трудности — ведь они бросали вызов капиталистам. Экспроприации, возможность которых в царское время большевики (как, впрочем, и эсеры) не отрицали, оказались тупиком.

Большая часть денег, полученных после «эксов», в связи с их явно криминальным происхождением пришлось просто сжечь, иначе можно было быть арестованными прямо в банке при попытке воспользоваться «награбленным». Это наивные западные авторы, которых охотно перепечатают в современной России, думают, что Ленин «после удачной экспроприации в Тифлисе мог прямо-таки купаться в неиссякаемом денежном источнике!»². После

осуждения «эксов» объединительным съездом РСДРП большевики тоже признали, что «такие средства борьбы несвоевременны» после окончания «гражданской войны» 1905—1907 гг.³ По утверждению Ленина, те деньги, которые большевики получили от «эксов» в 1906—1907 гг., достались не большевистским центрам, а «отзовистам» из радикальной группы «Вперед», которая вскоре откололась от большевиков⁴.

Основную часть большевистского фонда составило наследство Николая Шмидта, молодого фабриканта левых взглядов. Шмидт помогал вооружать дружинников во время восстания 1905 г. в Москве, был арестован. Фабрика его была сожжена огнем царской артиллерии. Шмидт погиб в тюрьме в 1907 г. Он завещал свое состояние центрам с условием, что они передадут его большевикам.

Не без трудностей большая часть наследства перешла к большевикам. По данным осведомленного меньшевика Н. Валентинова, у них оказалось свыше 268 тыс. золотых рублей. Но надо же такому случиться, что в январе 1910 г. была предпринята новая попытка русских социал-демократов объединиться под эгидой Второго Интернационала. Была создана объединенная касса партии, куда от большевиков поступили на хранение 178 тыс. руб.⁵

Поскольку большевики и меньшевики друг другу не доверяли, то распорядителями кассы стали почтенные германские социал-демократы К. Каутский, Ф. Меринг и К. Цеткин. Деньги тратились, так что речь может идти о меньшей сумме. Во всяком случае, Ленин позднее особенно настойчиво будет настаивать на возвращении большевикам около 30 тыс. руб.⁶

Вскоре большевики и меньшевики опять переругались. Ленин некоторое время пытался добиться от немецкой социал-демократии признания именно за большевиками права считаться истинными представителями российской социал-демократами, так как противостоящие им фракции слишком далеко уклонились от центра вправо («ликвидаторы») и влево («отзовисты»). Авторитет партии в это время для него был важнее денег — транш в 44 850 франков Ленин перевел Цеткин в июне 1911 г.⁷, через полгода после того, как большевики уже потребовали аннулировать соглашение 1910 г. об объединении бюджета социал-демократов.

Ленин потребовал деньги назад, а позднее и вовсе создал РСДРП большевиков, которую считал правопреемницей всей РСДРП. В условиях политической склоки держатели денег в августе — ноябре 1911 г. заявили о сложении полномочий. Но при этом они заявили,

что вопрос остается спорным и деньги останутся в банке. Деньги лежали на счете, которым формально распоряжалась Цеткин.

Ленин был чрезвычайно разгневан на Цеткин, обвинял ее в том, что она в ходе переговоров о деньгах «налгала»⁸. Но Цеткин стояла насмерть. Видимо, она просто не могла уступить. Не она решала этот вопрос.

Любопытно, что в дальнейшем Цеткин имела хорошие отношения с Лениным, занимала близкие ему позиции (то есть боролась против своего — германского — правительства) и вступила в компартию Германии. Предвоенный эпизод Ленин как бы «простил» и больше о деньгах не вспоминал, хотя во время войны они были ему очень нужны.

Письма Ленина показывают, что в 1915—1916 гг. финансовое положение партии было нестабильным и временами крайне тяжелым⁹. Это опровергает придумки некоторых мифотворцев о том, что большевики оказались на содержании «немецкого генштаба» вскоре после начала войны¹⁰.

Цеткин, учитывая их дружбу, могла бы разморозить фонд. Но, по всей видимости, это не было в ее власти, особенно после начала войны.

Все это позволило мне в 2006 г. сделать вывод, что, даже если Ленин получал из Германии деньги, он имел на это моральное право. Ведь в немецком банке были заморожены деньги большевиков¹¹.

Могли ли средства, полученные большевиками извне, превзойти размеры «наследства Шмидта»?

Дело Ганецкого

При обсуждении проблемы «немецких денег» важно ответить на несколько конкретных вопросов.

**От кого большевики получали деньги фактически и формально?
Сколько денег они получили?**

Что они сделали с помощью этих денег, чего были бы лишены без них?

Выполняли ли большевики в 1917 г. какие-либо указания, поступающие из Германии?

Уже сама поездка в «пломбированном вагоне» подсказала противникам большевиков ключевую тему антибольшевистской пропаганды. Нужно было искать «немецкий след», и он нашелся. Под подозрением оказался большевик¹² Я. Ганецкий (Фюрстенберг). Он

был коммерческим директором (с 1916 г. — фактическим управляющим) созданной в 1915 г. фирмы «Хандельс-ог экспорт — компаниет астиеселскаб». Создана она была на деньги Парвуса, то есть А. Гельфанда (ее акционерами были Гельфанд и его сотрудник Г. Скларц, который с 1916 г. был формально и директором). А. Гельфанд (Парвус) был правым германским (а за десятилетие до этого — левым российским) социал-демократом и германо-турецким бизнесменом. Ганецкий как управляющий фактически распоряжался всем в этой фирме. Она торговала медикаментами и другими потребительскими товарами, используя каналы фирмы брата Ганецкого Г. Фюрстенберга «Фабиан Клингслянд АО», базировавшейся в Скандинавии. В Петрограде интересы фирмы «Хандельс-ог экспорт» по совместительству представляла сотрудница «Фабиан Клингслянд АО» Е. Суменсон.

То, что Ганецкий давал деньги на партию, подтвердил К. Радек в письме Ленину от 28 июня 1917 г. Но масштабы этого финансирования не впечатляют: «Последние два года Ганецкий не одну тысячу дал нашей организации, несмотря на то, что все рассказы о его богатстве — пустая сплетня»¹³.

Даже в советское время было опубликовано письмо Ленина Ганецкому о получении 21 апреля от Козловского 2000 руб.¹⁴ Как следует из предыдущего письма, еще 12 апреля Ленин ждал деньги. В дальнейшем Козловский объяснил передачу этих средств возвратом денег, которые Ленин оставил Фюрстенбергу в Стокгольме (они причитались ему из фонда эмиграционного бюро)¹⁵.

Но, может быть, Ганецкий успешно прятал переправку денег за фасадом коммерческой фирмы?

Проанализировав телеграммы Ганецкого и его партнеров, перехваченные контрразведывательным отделом Главного управления Генштаба, современный американский историк С. Ляндерс пришел к выводу: «В действительности телеграммы не содержат свидетельств о переводе каких-либо капиталов из Стокгольма в Петроград... Товары направлялись в Петроград, а вырученные за них деньги — в Стокгольм, но никогда эти средства не шли в противоположном направлении»¹⁶. Теперь эти телеграммы опубликованы, и в правоте С. Ляндерса может убедиться любой желающий¹⁷.

Суменсон получала товар как от фирмы «Кликслянд», так и от фирмы Фюрстенберга-Гельфанда, распределяла его между перекупщиками, получала деньги за проданный товар и отсылала их хозяевам фирмы.

Деньги от Суменсон к Фюрстенбергу шли через отделения «Ниа Банкен» в Копенгагене и Стокгольме, который тоже оказался под подозрением из-за левых взглядов его директора У. Ашберга. Нужно иметь в виду, что «Ниа банкен» просто предоставлял счета и был банком нейтральной страны. Он имел дела и с Германией, и с Россией, в 1916 г. при его посредничестве было заключено соглашение об американском кредите для России в 50 млн долл.¹⁸

Значит ли всё это, что с помощью торговли Ганецкого вообще нельзя было помогать большевикам в Петрограде? Нет, не значит. Но масштаб этой помощи не может превышать общий доход от продаж минус средства, переведенные в Стокгольм, минус средства, оставшиеся на счетах Ганецкого и его финансового агента в Петрограде Е. Суменсон.

Номинальная стоимость товара 2 млн руб. Вот они, большевистские миллионы! Но нет. Всего Суменсон выручила 850021 рубль. 676336 рублей, 13 копеек она отправила Фюрстенбергу в Стокгольм, но из-за июньского запрета на перевод денег за границу на счету у Суменсон оставалось для Фюрстенберга 120182 рубля¹⁹.

За вычетом легальных расходов баланс фирмы Фюрстенберга в России почти сходится. Но есть одна неясная статья — разным лицам выплачено 65 847 руб. Кто эти лица?

Во-первых, М. Козловский, который в качестве юриста получал высокие гонорары от Ганецкого (Фюрстенберга). Козловскому и его жене было выплачено через Суменсон 13200 рублей²⁰.

Остаток на счетах Козловского на момент ареста составил 12200 рублей (2800 в Азовско-Донском и 9400 в Сибирском банках)²¹.

Азовско-Донской банк предоставил следствию данные о счете М. Козловского. На нем содержалось 12299 рублей самого Козловского и 52074 рублей, поступившие от Розенблита, коммерческого партнера Фюрстенберга, и принадлежавшие последнему. Фюрстенберг уплатил Козловскому через Суменсон и из средств, поступивших от Розенблита 20623 рубля (еще 2800 рублей на его счету было к началу года). Так что всего лично Козловский получил от Фюрстенберга 23424 рубля²².

Всего со счетов Козловского было всего списано 61573 рубля. Куда они пошли? 24 мая он списал со счета 41850 рублей, которые, как он объяснил, были переданы Я. Фюрстенбергу, который на короткое время прибыл в Петроград. Остальные выплаты Козловского по распоряжению Ганецкого составили 19723 рубля²³. Деньги, полученные от Козловского, Ганецкий положил на счёт Суменсон, оставив себе всего три тысячи рублей²⁴. Потенциально оставленные

на счете средства могли использоваться на политические нужды в дальнейшем. Но этого не случилось, так как в июле операции с этими деньгами были заморожены.

Приличные по размерам гонорары Козловского могли быть формой «отмыва» и передаваться на политические цели. Козловский имел право брать деньги Фюрстенберга у Суменсон по первому требованию и при этом, как утверждала Суменсон, делами фирмы не занимался «настолько, чтобы быть в курсе их; никогда также он не вчинял по моим делам исков в русских судебных учреждениях, советовалась я с ним по делам всего два раза»²⁵. Получается, что Ганецкий платил Козловскому десятки тысяч рублей практически не за что (сама Суменсон получала около тысячи рублей в месяц). Невольно возникает подозрение, что Козловский получал эти деньги не для себя.

Во-вторых, 50 тыс. руб. с санкции Ганецкого были 10 марта взяты для передачи американскому вице-консулу А. Рейли, ненадолго приехавшему в Россию²⁶. Похоже, таким образом Ганецкий просто получил деньги по оказии. С 10 марта нет признаков передачи денег посторонним лицам через Суменсон.

Так что от Ганецкого могли приходиться только очень скромные суммы «на политику». Из всей этой бухгалтерии видно, что Ганецкий и Козловский, связанные тесными доверительными отношениями, не доверяли Суменсон ничего нелегального и не посвящали ее ни в какую политическую деятельность. В свою очередь Козловский мог передать «на сторону» чуть более 30 тысяч рублей (потраченные Козловским собственные средства плюс выплаты по распоряжению Ганецкого). В действительности потенциальный политический капитал Ганецкого — Козловского был ещё меньше. Ведь что-то Козловский определённо тратил на собственные нужды.

Торговля Я. Фюрстенберга шла со скрипом, и это его волновало — что вряд ли имело бы место, если бы он просто отмывал деньги. В июне 1916 г. он писал Суменсон: «Повторяю, самым главным вопросом для меня является получение денег, в противном случае вся торговля должна будет приостановиться, так как, не имея денег, я не в состоянии закупать»²⁷. Конечно, конспирологи могут решить, что деньги Ганецкому остро нужны для Ленина, но это уж очень сложная схема передачи немецких денег из Германии в Швейцарию через Петроград, то есть прямо под носом у царской охранки. К тому же положение с деньгами в 1916 г. у Ленина так и оставалось тяжёлым. Так что деньги были нужны Ганецкому на закупку товара. В начале 1917 г. Ганецкий и Суменсон разочаровались друг в друге и

взяли курс на сворачивание дела. В июне фирма фактически остановила свою деятельность, тем более что из-за закона 14 июня Суменсон уже не могла пересылать прибыль фирмы за границу.

То, что Ганецкий оставил в России около 160 тыс. рублей без надежды продолжить деятельность фирмы, наводит на мысль, что он планировал использовать деньги как-то иначе. Но сделать это Ганецкий не успел.

При этом Ганецкий получал деньги от большевиков на издание в Стокгольме интернационалистического бюллетеня. Левый социал-демократ Б. Веселовский в мае передал ему по поручению секретаря «Правды» 4500 рублей, из которых он взял 3000, а 1500 поручил внести на счет Суменсон²⁸. Это также говорит в пользу того, что Ганецкий не мог быть особенно щедр в отношениях с большевиками.

3 июня журналист Д. Заславский написал в газете «День» о связях большевиков с немцами, в том числе и о Ганецком как источнике финансирования большевиков. Вопрос обсуждался на ЦК с 10 июня, и было решено объявить статью Заславского клеветой (что и было сделано Ганецким и Радеком в «Правде» 22 июня). Однако в дальнейшем была создана партийная комиссия по этому вопросу, которая дополнительно разобрала вопрос и оправдала Ганецкого²⁹.

После июльских событий Е. Суменсон была схвачена, избита и препровождена в заключение как опасная преступница. Глава контрразведки Б. Никитин утверждает: «Я сейчас же послал в банк Александрова с финансовым экспертом. Они выяснили, что Суменсон за последние месяцы сняла в одном этом банке (Сибирском. — *А.Ш.*) 800 тыс. руб., а на ее текущем счету еще оставалось 180 тыс. руб. В Сибирский банк, как то расследовал Александров уже после восстания, деньги переводил из Стокгольма, через Ниа банк, Фюрстенберг (Ганецкий). Очень важно заметить, что от этих переводов денег и их получения Суменсон никак не могла бы отказаться, даже если обыск у нее не дал бы никаких результатов: банковские книги и расписки Суменсон давали нам в этом полную гарантию... Чтобы не возвращаться больше к Суменсон, должен обратить внимание, что, арестованная во время июльского восстания, она во всем и сразу чистосердечно призналась допрашивавшим ее в моем присутствии начальнику контрразведки и Каропачинскому. Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, бывшему в то время членом ЦК партии большевиков, какие бы суммы он ни потребовал, и притом без всякой расписки. Из предъявленных чековых книжек явствовало, что некоторые из таких единовременных выдач без расписки доходили до ста тысяч рублей... Но

было особенно характерно, что Суменсон даже и не пыталась прятаться за коммерческий код и сразу и просто призналась, что никакого аптекарского склада у нее не было и никакой торговлей она не занималась»³⁰. Кроме того, что Козловский имел право получать деньги (хотя и здесь масштаб преувеличен на порядок), все это — чистейшая фантазия. Решившись откровенно лгать, Никитин исходил из того, что при его жизни материалы следствия вряд ли могут быть опубликованы.

В действительности Суменсон своей вины не признала³¹ и весьма аргументировано, с документами и цифрами в руках доказывала, что занималась исключительно коммерцией и выполняла поручения Ганецкого, не вникая в политическую сторону его жизни, и аккуратно пересылала сотни тысяч рублей в Стокгольм, а не снимала их со счетов в Петрограде. Обо всех этих поручениях, а также об организации торговли, включая, конечно, и наличие складов, она подробно рассказывала, и ничего предосудительного в ее действиях следствие не обнаружило, что бы потом ни фантазировал в эмиграции Никитин.

Когда следователь спросил у Суменсон, «была ли торговля Як. Фюрстенберга фиктивной и не присылал ли он под видом медикаментов пустые ящики или иного малоценного груза», это вызвало у нее недоумение: «самый вопрос столь странный, такой же, как если бы меня спросили, жива ли я и существую я или нет, так как ни малейшего подозрения в фиктивности в данном случае быть не может. Это наглядно устанавливается тем, что каждая отправка вскрывается и проверяется в таможне...»³²

Поскольку информации о связях собственно Ленина с немцами маловато, а нужно заполнять книги многочисленными «фактами», то авторы современных сочинений на эту тему посвящают немало места рассказам о самых разных аферистах, кормившихся от немцев. Вот агент Львов в 1915 г. обещает взорвать мост через Волгу и поднять восстание³³. Деньги-то горазд получать. А где диверсии, где восстания? Аферист на аферисте. Но при чем здесь Ленин? Расследователи не приводят документов с его обещаниями кайзеру что-нибудь взорвать.

Немцы финансировали эстонского националиста А. Кескюлу. Обличители Ленина поэтому пытаются придать Кескюле фантастическое влияние на политику большевиков. Якобы он даже, «финансово подпитывая Ленина», в 1915 г. изменил его точку зрения. В чем же это изменение? Если сначала Ленин мечтал о мировой революции, то теперь он стал выступать за то, чтобы «вначале надо побе-

дить Россию»³⁴. Так «интерпретирует» Ленина Э. Хереш. Но где у Ленина она вычитала такую сенсационную мысль, Хереш не поясняет.

При этом Антанта также не стояла в стороне от дела пропаганды. По инициативе французского депутата А. Тома была создана межсоюзническая комиссия по пропаганде с бюджетом более миллиона рублей³⁵. Одной из ее задач было распространение компромата против большевиков. К этой работе подключились и французские спецслужбы (у британских была другая специализация, они распространяли слухи, компрометирующие Чернова³⁶). Французский военный атташе в Швеции Л. Тома доложил в военное министерство Франции: «Русское Временное правительство желало бы найти, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги... Г. Альбер Тома проездом через Стокгольм дал мне указание доказать в интересах Временного русского правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги»³⁷. Итак, ответ был известен заранее, работа закипела, французы собрали самые общие материалы о коммерции Ганецкого (в которой, собственно, и не было секрета) и отправили ее в Петроград как доказательство немецкого следа к большевистской кассе.

Это была халтурная работа. Французские собиратели компромата не заметили, что у них под носом небольшую финансовую помощь большевикам предоставил в долг швейцарский социал-демократ К. Моор, действительно связанный с военным атташе Германии. Но въехать с деньгами в Россию он не смог, поэтому 32 837 долларов достались Заграничному бюро РСДРП(б), которое занималось пацифистской пропагандой — как против Антанты, так и против Четверного союза, участвовало в подготовке социалистического конгресса. Так что на свержение российского Временного правительства эти деньги не пошли³⁸. Ленин выступил за строжайшую проверку источника денег Моора, и в итоге 24 сентября ЦК большевиков отказался от сотрудничества с ним. Однако деньги уже были выплачены. Потрачена из них оказалась только часть. После победы большевиков и краха Германии Моор поставил вопрос о возвращении ему этой ссуды, и она была возвращена³⁹.

В любом случае, явным преувеличением являются неофициальные заявления германских чиновников и социал-демократов, сделанные в 1921 г., о том, что большевики получили от Германии 50—60 млн марок⁴⁰. Весь бюджет, выделенный на германскую пропаганду в стане Антанты, был меньше — 40 580 977 марок⁴¹.

В середине 1917 г. общение с социал-демократами Германии не считалось в России чем-то особенно предосудительным. В мае — ав-

густе 1917 г. социал-демократы воюющих стран готовили в Стокгольме конференцию социалистов, которая могла бы стать мостом между воюющими блоками и способствовать заключению мира. В рамках этих консультаций Гельфанд встречался 13—14 июля с представителями меньшевиков и эсеров Смирновым и Русановым⁴².

Наконец, большевики после прихода к власти не отказали себе в удовольствии указать на то, что их соперники-социалисты ворочали многомиллионными суммами, в получении которых сами обвиняли большевиков. После национализации банков на счетах Керенского было обнаружено 1 174 754 руб. 62 коп.⁴³ Это не значит, что Керенский был коррупционером. Это доказывает лишь, что через его руки шли финансовые потоки, что вполне естественно для политического лидера в буржуазном государстве. Размеры этих потоков были куда больше, чем у большевиков. Но в пылу борьбы в октябре 1917 г. Керенский просто забыл об этих деньгах и не предпринял попытки снять эти средства. Дело в том, что исход борьбы определялся не деньгами, а соотношением идей и социальных интересов широких масс.

На что нужны деньги?

Можно согласиться с Г.Л. Соболевым в том, что «прямых улик в получении большевиками «немецких денег» через торговую фирму Парвуса-Ганецкого не удалось обнаружить ни французской разведке, ни следственной комиссии»⁴⁴. Прямых улик нет. Это, однако, не значит, что совсем отсутствуют косвенные улики.

Прежде всего, встает вопрос о средствах, на которые 15 мая была куплена типография «Правды». Типография стоила 225 тыс. рублей⁴⁵, но для ее наладки пришлось купить в рассрочку еще ротационную машину, только на установку которой было потрачено 15 тысяч⁴⁶. Были и другие траты на наладку типографии.

В мае «Правда» приносила доход около 25 тыс. рублей⁴⁷, в июне — около 30 тыс. рублей⁴⁸. Этого было явно недостаточно даже на покупку более дешевой типографии в 150 тыс. рублей (но эта возможность сорвалась). Было решено прибегнуть к сбору пожертвований специально на типографию.

У «Правды» уже был опыт такого рода. В марте был создан «Железный фонд» газеты на случай каких-то внезапных проблем. Сразу после Февральского переворота народ был полон энтузиазма в отношении революционных партий и газет, и до конца месяца в

«Железный фонд» «Правды» удалось собрать 14988 тыс. рублей 29 копеек. В день удавалось собирать от 103 до 1133 рублей, в среднем — около 600 рублей⁴⁹. К 12 апреля было собрано 25450 рублей 34 коп.⁵⁰ То есть в первой половине апреля в среднем собирали больше, но все же менее 800 рублей в день.

И вдруг случилось чудо — 13 апреля «Правда» бросила клич, начала сбор денег на типографию, и рабочие скинулись, собрав по данным «Правды» к 29 мая только на типографию (не считая «Железного фонда») 136694 рублей 65 коп. Всего было собрано согласно данным «Правды» (после исправления найденных следствием арифметических ошибок) 150352 рубля в фонд типографии и 31002 рубля 16 коп. в «Железный фонд»⁵¹. Это за полтора месяца. Но сборы второй половины мая шли уже не на покупку типографии, а на иные связанные с ней нужды (в частности, нужно было выплачивать деньги за дорогой ротатор, купленный для типографии позднее).

А. Гертик, заведующий хозяйственной частью Товарищества «Рабочей печати», которое занималось изданием «Правды» рассказывает, что 75 тыс. на типографию собрали буквально за пять дней, а потом еще 65 тыс.⁵²

Получается, что в апреле — первой половине мая спонсоры «Правды» собирали по несколько тысяч рублей в день. Такой скачек щедрости жертвователей трудно объяснить в рамках версии «всё собрали рабочие». В апреле-мае партия большевиков не была самой популярной в рабочей среде даже в Петрограде. Ситуация сравнима с периодом падения влияния партии в июле — начале августа. Но тогда за две недели на газету «Рабочий и солдат» около 100 тысяч рабочих собрали несколько более 20 тысяч рублей⁵³. Увеличивая в полтора раза, получаем несколько более 30 тысяч. Получается, что в среднем рабочий готов был жертвовать копеек по 20. И это с учетом инфляции в мае-августе, да ещё в ситуации, когда партия уже выстроила организационную структуру (июльские события не разрушили её).

С чего это так расщедрились рабочие, что многократно перекрыли сборы сторонников большевиков в марте — начале апреля и после июльских событий? Или расщедрились не только рабочие?

Проверить бухгалтерию «Правды» было не так просто, и не по вине большевиков. Арестованный в июле 1917 г. заведующий издательством «Правды» К.М. Шведчиков предлагал следователям проверить его слова по конторским книгам, уже зная, что враги большевиков сделали все, чтобы затруднить себе работу: «Считаю необходимым указать, что при обыске конторы, который был произведен

ночью, были взломаны замки у столов, переломаны самые ящики в столах и все находившиеся в них документы были выброшены в общую кучу на пол»⁵⁴. Но все же следовало держаться цифр, которые нельзя опровергнуть пусть и перепутанными, но все же имеющимися у следствия конторскими бумагами.

По расчетам Гертика на типографию ушло 140—150 тыс. особого типографского сбора и 30—40 тыс. рублей, собранных в «Железный фонд», имевшиеся авансы, а также около 20 тыс., предоставленных Чермовским. Казалось бы, зачем офицер Чермовский жертвовал своими накоплениями? Ведь Гертик подтвердил — после покупки типографии осталось еще несколько десятков тысяч денег⁵⁵. Однако, баланс не сходится. Потрачено было от 190 тыс. (140+30+20 тыс.) до несколько более 210 тыс. (150+40+20 тыс. + часть авансов) рублей, а требовалось не менее 240 тыс. рублей. Обнаруживается нехватка около 30 тыс. рублей. Возможно, эти 30 тысяч появились вскоре после покупки типографии, потому что к 15 мая приходилось скрести по сусекам, а вскоре после покупки появились лишние деньги.

Следствие провело экспертизу бюджета «Правды». Прибыль за март-июнь была оценена в 74 417 руб. Счета фондов составили 196087 рублей 92 коп.⁵⁶ У «Правды» были обнаружены еще пожертвования на 166677 рублей 7 коп., в том числе от Чермовского не 20000, а 15530 рублей, от других лиц 56684 рублей 45 коп. Из этих 166 тысяч на типографию потратили 66155 рублей 9 коп.⁵⁷, а 57022 рубля оставили в банке (при проверке возникла версия, что это мог быть случайный перевод)⁵⁸. Откуда взялись лишние 66 тысяч, осталось не вполне ясным — ведь пожертвования и так собирали с большим трудом в два фонда. Вероятно, это как раз авансы, за которые потом предстояло рассчитываться.

Н. Чермовский был одним из руководителей типографии после ее приобретения «Правдой»⁵⁹ (как член команды он мог просто внести деньги, предоставленные кем-то, пожелавшим остаться инкогнито, а мог и предоставить газете собственные накопления).

Получается, что «Правда» вложила в покупку 66155 рублей, что было ей по карману, а также деньги фондов, собранные к середине мая (меньше, чем 190 тысяч, так как деньги продолжали собирать и после мая) — около 170 тысяч.

Если бы не было других трат, то этого могло почти хватить. Но доходы и пожертвования тратились не только на покупку самой типографии. Из этих сумм купили автомобиль за 6850 рублей⁶⁰. Уплатили за помещение 3500 рублей. На обслуживание типографии уходило

около 25 тысяч, которые полностью не окупались. Купили бумаги на 40 тысяч⁶¹. Бумага могла окупиться уже в июне, но все равно получается, что после покупки типографии были свободные деньги.

Таким образом, можно утверждать, что у большевиков были спонсоры за пределами рабочего класса, но размеры их помощи составили всего несколько десятков тысяч рублей, что не играло существенной роли в успехах большевиков: обороты «Правды» и ЦК большевиков были больше. Эти спонсоры были готовы одолжить большевикам недостающие им средства для налаживания более прибыльного и широкомасштабного издательства, чем «Правда» и «Прибой» весны 1917 г. Однако усилия, предпринятые в этом направлении в мае — июле 1917 г., закончились разгромом «Правды» 5 июля 1917 г. и дали довольно скромные результаты.

У большевиков действительно возник в первой половине мая 1917 г. дефицит в несколько десятков тысяч рублей (около 30 тыс.), который им нужно было быстро покрыть (хотя бы в долг). Этот дефицит был покрыт, но сама история с покупкой типографии оказалась малозначимым эпизодом, так как июльское поражение обнулило результаты этих усилий.

Среди этих спонсоров очевидно был Ганецкий и вероятно — его партнер Козловский (хотя они были не единственными источниками относительно крупных сумм более тысячи рублей, если вспомнить о взносе Чермовского). Разгром «Правды» 5 июля стал форс-мажорным обстоятельством, который позволил большевикам несколько месяцев не возвращать долги (а после октября 1917 г. это стало неважно).

Роль Ганецкого и Козловского представляется важной не сама по себе (тем более что их вклад в дело победы большевиков в любом случае скромнен), а из-за их связи с Парвусом. Однако из сказанного выше следует, что они могли передавать большевикам не деньги Парвуса, а деньги, которые де юре были заработаны ими лично.

Даже если Козловский направил деньги на покупку типографии, это еще не означает, что он просто спонсировал большевиков. Речь могла идти о совместном проекте большевиков и польских социал-демократов. Характерно, что юристом при покупке типографии выступал М. Козловский, а на этой типографии потом свои материалы печатали также польские социал-демократы⁶². Так что, если со стороны Ганецкого и Козловского пришли деньги, они шли на общие нужды двух близких друг к другу партий, типография покупалась как бы вскладчину.

Было ли это согласовано с Парвусом-Гельфандом? Учитывая, что Гельфанд активно, но безуспешно добивался контакта с Лениным⁶³, его согласие «взять в дело» близкого большевикам человека можно рассматривать как попытку наладить мостик к Ленину. Попытка не удалась, но Гельфанд уже инвестировал деньги и забрать их назад не мог. Он просто перестал помогать Фюрстенбергу дальше. Тот пытался некоторое время держаться на плаву, но его коммерция пошла на дно. В июне в газете «День» журналист Д. Заславский обвинил Ганецкого в связях с Парвусом, о нем заговорили как о посреднике между немцами и большевиками. В РСДРП(б) была создана специальная комиссия, занимавшаяся «делом Ганецкого» и по сути — его защитой от нападков. В этих условиях его негласная финансовая помощь партии была уже вряд ли возможна.

Так что если большевики и получили средства от Ганецкого и Козловского, то это было возможно в пределах тридцати тысяч рублей, и только весной 1917 г. Если «Правда» получила деньги, то их предоставил не «немецкий Генштаб», а лично Ганецкий, управляющий скандинавской фирмой, и их корректнее называть не «немецкими деньгами», а «деньгами Ганецкого».

Очевидно, что «деньги Ганецкого» никоим образом не могли привести к влиянию Германии на политический курс большевиков. К германскому империализму Ленин относился с той же враждебностью, как и к российскому.

В целом сумма около 30 тыс. рублей составляла незначительную долю в финансировании большевиков. При этом на своих работников большевики тратились скромно. По данным слежки, например, Каменев «живет очень бедно; средств никаких не имеет»⁶⁴. На жалованье работникам ЦК официально было потрачено в апреле-августе всего 10135 руб. Еще на орграсходы и канцелярские товары ушло 18922 рубля. Отчисления от взносов местных организаций — 4104 рублей — даже для этого не хватало, так что и ЦК собирал жертвования — 50644 рубля⁶⁵.

Если большевики на пару с польскими социал-демократами действительно получили со стороны Ганецкого около 30 тыс. руб., то можно ли считать эти деньги «немецкими»? Фирма Ганецкого оказалась убыточной и в июне 1917 г. шла к банкротству. Учитывая, что расчетная прибыль составляла 2 млн руб., реальная — 800 тыс., то несколько десятков тысяч в этом балансе не играли роли. Ганецкий мог свободно вынуть их из кассы, а пострадал от банкротства Гельфанд, ссудивший деньги на этот бизнес-проект. В дальнейшем Ганецкий мог бы пустить на политические нужды остаток средств

фирмы — около 160 тысяч рублей. Но он этого не сделал, и нет доказательств, что он планировал предоставить большевикам такую «кислородную подушку».

Типография так и не успела приступить к печатанию «Правды». Месяц ушел на переоборудование типографии под печатание «Правды». В это время газета печатала листовки и брошюры для издательства «Прибой» (в том числе работы Ленина). Затем, так и не приступив к изданию «Правды», стали готовить выпуск «Солдатской правды», но до 5 июля успели выпустить только листок⁶⁶. Типография работала с дефицитом, возможно — в десятки тысяч рублей⁶⁷. К моменту закрытия типографии в июле проект не окупился.

Не покупка типографии обеспечила популярность большевиков и «Правды», а содержание их пропаганды.

В стране шла предвыборная кампания. Это требовало больших затрат на печатание газет, листовок и плакатов. В начале весны вперед вырвались партии меньшевиков и эсеров, которые могли пользоваться возможностями Совета бесплатно. Эсеры имели шансы опереться на финансовые возможности кооперативного движения. Кадетов финансировал бизнес.

После политического поражения в начале июля 1917 г.⁶⁸ большевики уже не могли получать финансовой поддержки через Ганецкого, но и без этого сумели восстановить и тиражи, и массовую поддержку. К тому же не будем забывать, что в России тогда далеко не все жители читали газеты и даже не все сторонники большевиков были грамотны. Согласимся с В.Г. Сироткиным, что нельзя преувеличивать «роль антивоенной продукции, в частности «Окопной правды» и других пробольшевистских изданий, в их воздействии на фронтовые войска, где только четыре процента солдат имели «навык самостоятельного литературного чтения»⁶⁹. Большевики агитировали на улицах и на съездах, которых во время революции было множество. Поскольку у правительства не было телевидения, противостоять большевистской агитации было тяжело, даже если бы у РСДРП(б) не было больших тиражей газет.

Для обывательского сознания непостижимо, что кроме денег могло обеспечить победу радикальной левой партии. Но причина роста влияния большевиков лежит в другой плоскости. Экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся, продолжал углубляться, и Временное правительство ничего не могло с этим поделать. Это порождало массовое отчаяние, стремление вырваться из сложившегося положения одним скачком, нереальные ожидания и в итоге — стремление к быстрым и решительным ме-

рам, качественно изменяющим общество. Большевики стали силой, которая взяла на себя консолидацию радикально настроенных солдатских и рабочих масс. Эта политическая ниша обеспечивала большевикам рост влияния в условиях углублявшегося кризиса.

Брестский мир

26 октября (7 ноября) к власти в России пришло правительство большевиков во главе с Лениным. Тут бы «немецкому шпиону» Ленину и заключить мир на немецких условиях. Ан нет — он продолжает упрямо твердить о мире без аннексий и контрибуций, то есть о прекращении войны вничью. Предположим, скрывает истинные намерения. Тогда он поступает очень нелогично, отправляя на переговоры с немцами категорического противника заключения мира на германских условиях Льва Троцкого, которому поручается руководство внешней политикой Советской России. Раз Троцкий против уступок Германии — конспирологи считают его агентом Антанты (такую версию можно было выслушать в «документальном» фильме на канале НТВ). То, что большевистские лидеры могут руководствоваться не шпионскими, а какими-то ещё мотивами — это для конспирологов слишком сложно.

Большевики пришли к власти в условиях, когда возможности дальнейшего ведения войны Россией оказались под большим сомнением. Ещё 20 октября военный министр Временного правительства А. Верховский заявил на заседании Предпарламента, что «воевать мы не можем»⁷⁰, и необходимо срочное перемирие.

Но вместо того, чтобы просто сдаваться на милость победителя, что в этих условиях могли бы сделать и прагматичные патриоты, большевики вступили с Германией в дипломатическое противоборство.

20 ноября (3 декабря) советская делегация во главе с А. Иоффе прибыла в Брест-Литовск и выдвинула условия перемирия, включая очищение Моонзунда и запрет на переброску войск с Восточного фронта на время переговоров о мире. Россия вела себя как равноправный участник переговоров, но Германия не собиралась уступать уже завоеванные территории. Заключение перемирия пришлось отложить. Выдвинув завышенные требования, советская дипломатия затем «уступила» Моонзунд, но добилась запрета переброски войск. Россия продемонстрировала союзникам готовность учитывать их интересы. 2(15) декабря было заключено перемирие ме-

жду Россией с одной стороны и Германией и ее союзниками — с другой. Его особенностью стало положение, разрешавшее организованное общение между солдатами, то есть по существу — большевистскую агитацию немецких войск. Это был своего рода анонс поведения большевиков на переговорах о мире, которые станут для них трибуной агитации за свои принципы международной политики.

Перед правительством большевиков стояла нелегкая задача. С одной стороны, состояние армии было таким, что следовало немедленно заключать мир даже на невыгодных условиях. С другой стороны, это значило бы расписаться в том, что слухи о «немецком шпионстве» близки к истине. Большевики претендовали на роль авангарда мирового революционного движения, и капитуляция перед германским империализмом могла самым катастрофическим образом подорвать репутацию коммунистического проекта. В этой ситуации большевистское руководство нашло, как казалось, не самый плохой выход: затягивать переговоры в надежде на углубление кризиса Германии и Австро-Венгрии, используя Брест как трибуну революционно-миротворческой агитации.

Советская внешняя политика вырывалась в авангард решения проблемы, о котором грезили миллиарды людей. Это решение — демократический мир без аннексий и контрибуций, с демократическим самоопределением народов — шанс на немедленное и справедливое прекращение кошмара мировой войны. Этот шанс был возможен постольку, поскольку инициаторы мира демонстрировали отсутствие национального эгоизма.

Германия и её союзники не могли сразу отвергнуть предложение большевиков. Во-первых, они тоже заботились об имидже, и публично демонстрировали благородные цели войны. Во-вторых, они сами проигрывали войну Антанте и были бы не против пойти на мир вничью, если бы на это согласилась Антанта. В-третьих, внутреннее положение в Германии и Австро-Венгрии было тяжелым, и возобновление даже победоносной войны на Восточном фронте могло оказаться дорогим удовольствием. Так что в этих условиях переговоры со странными большевиками (которых в Берлине и Вене конечно не воспринимали как своих шпионов) были лучше, чем вторжение в непредсказуемую Россию.

Современные историки иногда обвиняют большевистских дипломатов в дилетантизме, подмене «дипломатических методов бесполезными идеологическими атаками на контрпартнеров»⁷¹. Какова была альтернатива политике большевиков, что могли бы предло-

жить «контрпартнерам» профессиональные российские дипломаты в ноябре 1917 г., если бы знали, что страна не может продолжить войну фронтов? Альтернатива была очевидной и лишенной нюансов — немедленное кулуарное заключение мира на немецких условиях, компрометирующее новый режим куда сильнее, чем мир, заключенный в марте 1918 г. после открытых обсуждений и потому получивший (хотя и с огромным трудом) поддержку части общества. Заключение подобного мира Германией в 1919 г. методами профессиональной дипломатии не спасло правительство от клейма «предателей нации». Тот же Версальский опыт Германии также подтверждает неторопливость профессиональной дипломатии. А фактор времени здесь был решающим. Альтернативой революционной дипломатии Троцкого могла быть столь же революционная дипломатия Каменева и Зиновьева — в смысле решительной капитуляции, немедленного заключения мира на германских условиях уже в первой половине декабря 1917 г. Но внутривластные последствия такого шага могли быть столь катастрофическими, а возможный успех большой европейской игры столь вероятен, что большинство ЦК большевиков просто не могло на это пойти.

Большевикам казалось, что они ведут беспроигрышную игру. Если немцам надоест обсуждать благородный мир без аннексий и контрибуций, то они могут претендовать на территории, которые уже заняли — Польшу, Литву и Курляндию. Ничего страшного для России. Зато ситуация в Германии и Австро-Венгрии столь плоха, что там тоже вот-вот может начаться революция. Этот расчёт был в целом разумен. Революция в Германии действительно началась в ноябре 1918 г. **Трагедия большевиков заключалась в том, что в своих расчётах они ошиблись на несколько месяцев и к тому же не учли украинский фактор. Но эта ошибка большевиков не имеет отношения к теме их мифического «шпионажа».**

Ситуация после Октября 1917 г. сложилась так, что значительную часть Украины, включая Киев, контролировали не большевики, а Украинская Центральная рада.

В нее входили основные партии Украины, преимущественно социалистические. Большевики покинули Раду, но взять власть в ноябре 1917 г. не смогли.

Центральная рада и ее исполнительный орган Генеральный секретариат не признали Совнаркомом правительством всей России, но были готовы урегулировать отношения с ним на основе равноправия. После Октября Центральная рада выступала с поддержкой проекта однородного социалистического правительства, который

в ее интерпретации приобрел федералистские черты. Новое легитимное правительство России должно представлять не только левые партии, но и основные регионы страны, включая Украину.

7 (20) ноября III Универсал Центральной рады провозглашал Украину автономной частью России и объявлял о социальных реформах. Но они практически не начались. Промедление с реформами определило падение влияния Рады — социальный фактор в условиях революции был важнее национального. Но в условиях противостояния более радикальному большевизму, украинские социалисты пытались защититься от него национальным щитом.

Считая себя равноправной силой в отношении «Петроградского» Совнаркома, Центральная рада заявила свои претензии на участие в мирных переговорах. 23 ноября (6 декабря) С. Петлюра заявил о выходе Юго-западного и Румынского фронтов из подчинения российского командования и превращении их в Украинский фронт. Конечно, реальных сил для обеспечения этого решения у Центральной рады не было, но парализовать снабжение этих фронтов Рада вполне могла. Так что у Советского правительства было только два пути — или договариваться с Радой, или уничтожить либо кардинально преобразовать ее. Пока не было возможности решить проблему силой, приходилось договариваться.

25 ноября (8 декабря) «Известия ЦИК» сообщили, что Советская власть готова удовлетворить желание Рады включить представителей Украины в состав мирной делегации. Это была точка невозврата, после которой вовлечение Рады в процесс переговоров стало неизбежным. Можно ли было предотвратить это решение? Центральная рада настаивала, что мирный договор может заключить только правительство, признанное всей Россией. То есть документ, подписанный Совнаркомом России, Радой признан не будет. Втягивать Раду в переговоры — единственная возможность получить признание мирного договора с ее стороны.

Большевики, конечно, могли бы отказать Раде в участии, но это никак не спасало от начала сепаратных переговоров представителей Центральной рады и Центрального блока. Ведь Рада не была связана договором, заключенным большевиками.

В то же время между Петроградом и Киевом продолжались постоянные консультации о сближении позиций по вопросам, тогда стоявшим острее, чем проблема мирных переговоров — вопрос об устройстве общероссийской власти, о гражданской войне между большевиками и каледи́нцами.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
<i>Очерк первый. Был ли Ленин немецким шпионом?</i>	
Как немцы задолжали Ленину деньги	9
Дело Ганецкого	11
На что нужны деньги?	18
Брестский мир	24
<i>Очерк второй. Мифы о Гражданской войне</i>	
Кто и как начал Гражданскую войну?	43
Поход 14 держав и ландскнехты мировой революции	51
Латышские стрелки между родиной и революцией	66
Прагматизм и утопия в «республике рабочих и крестьян»	79
«Чистые руки, горячее сердце, холодная голова»	89
«Белые рыцари»	95
«Чернознаменные бандиты»	104
Крестьянский бунт, бессмысленный или разумный?	112
Третья революция	117
Белофинское вторжение или восстание карельских крестьян?	128
<i>Очерк третий. Зачем большевики «отдали» Новороссию Украине?</i>	
Что такое Новороссия?	135
Как Новороссия вошла в состав	137
Украинской республики?	137
Короткая жизнь Донецко-Криворожской республики	152
Где проходит граница?	158
<i>Очерк четвертый. «Идеальный» НЭП</i>	
Ленинский НЭП	165
Бюрократический рынок: от кризиса к кризису	168
Пределы НЭПа	171
НЭП сломали или он сломался?	176
Великий экономист Бухарин и «выход» Сталина	180
Уроки НЭПа	186

<i>Очерк пятый. Зачем Сталин «устроил» голод?</i>	
Ставка Сталина	189
Кто устроил «перегибы»	193
Организованный голод?	196
Сколько жертв?	200
Ради чего?	203
<i>Очерк шестой. Мифы Большого террора</i>	
Реальность и тенденция следствия	207
Верхушки айсберга	210
Антисталинский заговор: контуры реальности	213
Почему признались военные?	219
Подрыв обороноспособности	225
Удары по площадям	227
Наш отец Лаврентий Берия	231
Размеры мартиролога	236
<i>Очерк седьмой. Так когда же СССР вступил во Вторую мировую войну?</i>	
В поисках безопасности	238
«Сдал» ли Сталин Испанию?	247
Китай и СССР против Японии	269
Уроки Мюнхена	282
По расчету или по любви? Хроника дипломатической игры	324
Как делить Европу?	340
Удар в спину или освободительный поход?	347
<i>Очерк восьмой. Маски Сталина</i>	
Четыре Сталина	357
Что построили при Сталине?	360
Демократ? Конституционалист? Государственник? Коммунист?	364
Был ли Сталин сексуальным маньяком?	376
Без Вождя. Немного альтернативной истории	380
Примечания	385
Литература	419